

У МЕНЯ НЕТ ДЕНЕГ

**У ТЕБЯ НЕТ ЗНАНИЙ
КАК ЖИТЬ ЭТУ ЖИЗНЬ**

ЧАСТЬ 1 :МОСТ

AMARA VEY

Amara Vey

**У меня нет денег. У тебя
нет знаний как жить
эту жизнь. Мост часть 1**

«Автор»

2026

Vey A.

У меня нет денег. У тебя нет знаний как жить эту жизнь. Мост
часть 1 / А. Vey — «Автор», 2026

Ты работал всю жизнь — а месяц всё равно заканчивается раньше зарплаты. Не потому, что ты слабый, а потому, что тебе никто никогда не показывал карту: как устроены деньги, долги, скидки, реклама и твой собственный голос, который не даёт начать. «Мост» — это эта карта, простыми словами, для человека, у которого нет ни времени, ни лишних денег, но есть честное желание, чтобы что-то наконец изменилось.

© Vey A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Дорога, которую у нас отняли	6
Мир, где место было расписано заранее	7
Прошло сто лет. Или не прошло?	8
День сурка	9
Знание. Оно всегда было адресным	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Amara Vey

**У меня нет денег. У тебя нет знаний
как жить эту жизнь. Мост часть 1**

От тьмы незнания — к свету знания.

Глава первая. Дорога, которую у нас отняли

Есть вопросы, которые мы задаём себе в темноте, когда уже погас свет и все уснули. Почему у меня всё так, а не иначе? Почему я стараюсь, выкладываюсь, честно тяну свою лямку изо дня в день — а на выходе всё те же деньги в конце месяца, всё та же тесная квартира, всё тот же список дел, который никогда не заканчивается? Почему кто-то живёт легко, свободно, раскидисто — а я живу в счёт, от зарплаты до зарплаты, и даже мечтать боюсь вслух, чтобы не сглазить?

Если этот вопрос когда-нибудь будил вас ночью — эта книга написана для вас. И начинается она не с денег. Она начинается с очень давней истории, которая, как ни странно, происходит прямо сейчас. С историей о том, как одни люди всегда знали то, чего не знали другие. И как эта разница в знаниях — а не в удаче, не в везении и не в «просто так сложилось» — столетие за столетием решала, кому принадлежит жизнь, а кому достаются её объедки.

Мир, где место было расписано заранее

Закройте на минуту глаза и представьте себе деревню, которой нет уже полторы сотни лет. Ранняя дымка над полем, петухи перекликаются через дворы, из печной трубы тянется первый дым. Мужик, встряхнувшись от сна, выходит во двор — и день его уже расписан до заката: конь, плуг, борона, покос, снова плуг. Он будет работать от зари до зари, и его отец работал так же, и дед, и прадед в неизвестно каком поколении. Земля не спрашивает, устал ты или нет. Земля вообще ничего не спрашивает — она только требует.

А теперь переведите взгляд через холм. Там, на пригорке, стоит дом — не избушка, а именно дом: широкое крыльцо, резные наличники, за окнами свет. Там живут другие. Им не надо вставать затемно, потому что их выпавший сон ничем не обеспечен — его обеспечивают те, кто встаёт затемно. Утро этого дома начинается с письма из города, с разговора о цене зерна, с прикидки: продать урожай сейчас или подождать, пока цена поднимется. Хозяин дома умеет читать. Умеет считать. Знает, что такое процент по долгу и почему кредит отдать труднее, чем взять. Его сын учится у учителя, которого сюда выписали из города, и этот мальчик однажды не будет пахать землю вообще — он будет распоряжаться теми, кто её пашет.

Обратите внимание: я не сказал, что барин был сильнее. Или умнее. Или лучше. На поле он, скорее всего, сдастся мужику через час — забросает борозду, запыхается, запросится отдохнуть в тень. Мужик выносливее, крепче, порой и сообразительнее в своём деле. Но всё его мастерство упирается в один потолок: его знание заканчивается там же, где заканчивается его поле. Он знает, как вырастить рожь, как лечить лошадь, как починить плуг, — и этого хватает, чтобы выжить. Но не хватает, чтобы вырваться.

А у того, кто на пригорке, знание было другого рода. Он знал не только «как сделать» — он знал «как устроено». Как устроена цена и от чего она зависит. Как устроен долг и кто на нём наживается. Как устроен закон и как его обходить. Как устроены люди и что ими движет. Это знание не кололось топором и не пахло потом — оно передавалось тихо, из рук в руки, от отца к сыну, за ужином, в разговоре, в попутном замечании, в обрывке совета: «Смотри, вот так подписывать не надо», «Запомни, вот этот человек скажет тебе трижды „да“ и обманет на четвёртый».

И вот главная тайна того мира, которую нам не рассказывают: разница между избушкой на краю села и домом на пригорке была не в деньгах. Деньги — это уже следствие. Разница была в информации. Мужик всю жизнь оставался мужиком не потому, что был хуже, а потому, что ему никто никогда не показал карту. Он шёл по жизни вслепую, ощупью, набивая шишки на каждом повороте — а шишки на каждой повороте за жизнь человека складываются в стену.

Понимаете, в чём жестокость? Чтобы выбраться, мужику нужно было сделать прыжок длиною в поколение: не «поработать получше», а изменить саму рамку, в которой он думал. А рамку ему никто не менял. Его учили прилежанию — «работай, и будет». И он работал. Всё детство, всю юность, всю жизнь. «Работай, и будет» — это самая красивая и самая пустая формула, которую когда-либо внушали людям, потому что «будет» зависело не от работы, а от того, кому принадлежат поле, мельница и ларёк с солью.

Да, историки справедливо заметят: времена менялись, крепостное право отменили, крестьяне уходили в города, кто-то выбивался в люди, строил фабрики, становился купцами первой гильдии. Всё это правда. Но посмотрите на цифры выбившихся — и на цифры оставшихся. Единицы на тысячи. Возможность была, но дорога к ней была спрятана, и спрятали её не завистливые боги — её спрятали люди, которым было удобно, чтобы дорога оставалась спрятанной.

Прошло сто лет. Или не прошло?

Спокойно. Я не веду вас к мрачной притче о несправедливости, за которую надо мстить миру кулаком. Я веду вас к другому — к вопросу, от которого зависит вся оставшаяся ваша жизнь. И вопрос этот звучит так: а что изменилось с тех пор?

Формально — всё. Нет барина и мужика, нет сословий, все должности называются по современному, у всех есть паспорт, школа, телефон, возможность уехать, выучиться, открыть своё дело. Мы голосуем ногами и головой, подписываем документы на равных и возмущаемся в интернете, не боясь конвоя. Это огромная, настоящая разница — и её стыдно

Но давайте честно, без лозунгов, посмотрим ближе. Кто сегодня просыпается затемно и едет за город на объект, потому что у него подработки — таксист, курьер, грузчик? Кто после смены засыпает в электричке, а проснувшись, снова едет? Кто работает от зари до зари — только теперь вместо плуга у него руль, вместо коня — приложение, которое считает поездки и «бонусами» гасит усталость?

Кто сегодня живёт в доме, за который платит всю жизнь, — в цифровой крепостной зависимости от ипотеки и «удобного» рассроченного платежа? И главное — кто сегодня знает, как устроен процент по его кредиту, почему цены растут, куда девается его зарплата и почему каждый месяц заканчивается на три дня раньше, чем надо, — а кто не знает?

Вот здесь начинается то, о чём я хочу говорить всю эту книгу. Потому что бархатные кресла и дома на пригорке никуда не делись. Просто поменялась мебель.

День сурка

Теперь позвольте сказать что-то личное. Я пишу это для человека, который узнает себя в следующем абзаце. Если узнали — читайте дальше, не закрывайте, это не упрёк, это зеркало.

Утро. Будильник. Тот же самый, что вчера, звонит в ту же самую минуту. Ты открываешь глаза и на секунду — всего на секунду — не понимаешь, какой сегодня день. Не потому что болен, а потому что день не имеет значения: он такой же, как был. Умылся, чай, дорога. Работа. Люди, которых ты видишь слишком часто, чтобы любить их, и слишком редко, чтобы узнать по-настоящему. Обед из контейнера, съеденного стоя. Дорога домой. Ужин. Экран телефона — самый верный друг, который никогда не спросит, как ты. Сон. Будильник.

День сурка — не киношная выдумка. Это твоя вторая половина жизни, потому что первую ты уже так прожил.

И где-то в этой очереди повторяющихся дней тихо, но упорно растёт чувство, которое ты не всегда готов назвать по имени. Сначала это раздражение. Потом — усталость. Потом — что-то горячее и тёмное, что поднимается изнутри, когда смотришь в ленту новостей.

А лента тем временем показывает: человек с телом, которое выглядит как реклама. Человек в фирменной куртке, которую ты можешь позволить себе раз в год — и то если не платить пару счетов. Человек на море. Человек, «работающий из любой точки мира», загорелый, со свежими глазами, с цитатой мудреца на английском. Он где-то в комнате с видом на пальмы. А ты тут — в этом же городе, в этой же очереди, в этой же жизни, повторяющейся день за днём.

И вот тут включается голос, который ты никогда не задумывался, чей: «Ты проиграл. Тупой. Безнадёжный. Другие смогли — а ты не смог». Он бьёт изнутри в самое слабое место — в то, где когда-то жили твои мечты.

Помнишь, что было раньше? У тебя были планы. Настоящие, живые планы. Ты хотел стать кем-то — настоящим, живым, тёплым. Ты хотел поехать, увидеть, построить, открыть. Ты лежал ночью и воображал, как это будет, и от этого воображения на душе становилось и страшно, и вкусно. А потом жизнь сказала: сначала — выживи. Убери мечту в дальний ящик. Возьми кредит. Возьми рассрочку. Возьми вторую подработку. Не сейчас. Потом.

И мечты рассыпались в пыль. Не со взрывом — тихо, по крупинкам, отложенные на потом. «Потом» стало «никогда», но ты этого не заметил, потому что был занят выживанием.

Теперь ты не мечтаешь. Ты злишься. На мир — потому что мир несправедлив. На себя — потому что кажется, что ты что-то проглядел, недоработал, недовзял. На тех, кто вырвался, — потому что им досталось, а тебе нет. На рекламу, на новости, на соседа с новой машиной, на всё сразу.

Стоп. Сделай вдох. Я скажу одну вещь, которая изменит всё, если ты дочитаешь до конца этой главы:

Твоя злость — не злость. Это обида. Ты обижен. Обидеться на всё вокруг — на систему, на судьбу, на соседа — легко, потому что тогда не надо спрашивать себя: «А что я сделал не так?» Обида — это способ не смотреть правде в глаза. Правда же в том, что ты старался. Ты работал. Ты не глупый. У тебя были планы. И они рассыпались не потому, что ты плохой. Они рассыпались потому, что ты делал всё правильное — но в системе, которая рассчитана на то, чтобы правильное усилие не приводило к переменам.

И сейчас, держа эту правду в руках, ты готов услышать главную мысль этой книги.

Знание. Оно всегда было адресным

Вернёмся к дому на пригорке. Что было главным его богатством? Не деньги. Денег у богатых всегда было больше только потому, что у них было больше главного. А главное — это знание. Секретное, непубличное, передающееся из поколения в поколение знание о том, как устроен мир денег, власти, возможностей.

Даже когда мужика освободили — дали паспорт, возможность уехать, учиться, встать на ноги — случилось что-то странное. Стена между знанием и незнанием осталась. Изменились только декорации.

Посмотри сегодня на любую успешную семью. Может, не самую богатую — просто устойчивую. У их детей одинаковые школы, похожие друзья, похожие телефоны. Но разница между ними колоссальная — и она не в машинах и не в телефонах.

Отец из одной семьи сыну сказал: «Деньги — это то, что превращает время в свободу. Не в игрушки — в свободу. Поэтому покупай сначала свободу — то есть откладывай, — потом уже игрушки». Отец из другой семьи сказал: «Копить — это жадничать. Живи сейчас». Первый сын в тридцать пять имеет выбор. Второй в тридцать пять имеет кредиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.